

DISCUSSIONS

On the role of individual and collective consciousness in social dynamics <i>A. A. Mit'kin</i>	103
Discussion on Michael Cole's book "Cultural psychology" Has the past a future? <i>P. N. Shikhirev</i>	113
News of Russian Foundation for Humanities	117

OUR HEROES OF AN ANNIVERSARY

Petrovsky Arthur Vladimirovich – 75th Birthday	121
Antsyferova Lyudmila Ivanovna	122
Chudnovsky Vilen Emmanuilovich – 75th Birthday	123
Khomskaya Evgeniya Davydovna	125
Roussalov Vladimir Mikhailovich – 60th Birthday	126

READERS' LETTERS

On the prophylactics of drug addiction <i>G. N. Khan, S. G. Nikolaeva</i>	128
--	-----

ПСИХОЛОГИЯ И ГУМАНИЗАЦИЯ ОБРАЗОВАНИЯ В XXI ВЕКЕ¹

РОССИЙСКАЯ ПРОБЛЕМА СВОБОДЫ, ОДИНОЧЕСТВА И СМирЕНИЯ*

© 1999 г. К. А. Абульханова

Академик РАО, доктор философских наук, профессор, зав. лабораторией личности, ИП РАН

Рассматриваются некоторые исторические и современные особенности российского сознания и характера. В прошлом идентичность личности с обществом проявлялась в смирении как противостоянии несвободе внешней при сохранении свободы внутренней. Происходящее отчуждение от общества является не индивидуализмом, способным к реализации социальных прав и свобод, а одиночеством, при котором личность может выстоять, только превратив ценности в саму жизнь.

Ключевые слова: свобода, одиночество, терпение, достоинство, социальное мышление, категоризация, интерпретация, репрезентация, проблематизация, коллективное бессознательное, душа, духовность.

Свобода для российского сознания осталась идеалом, который не подвергся социальной или житейской рефлексии ни тогда, когда свобода эта в эпоху революции обернулась братоубийством, ни тогда, когда пример благополучного по жизненным меркам западного общества практически доказал, что свобода (в самом ее жизненно важном выражении именно для Запада – свобода предпринимательства) ни с каким равенством и братством не совместима. Свобода осталась идеалом, потому что слишком мало было пространства и для социальной, и для философской мысли, столь велика была сила несвободы, насилия. С представлением о свободе произошло почти то же, что с представлением экзистенциализма о жизни – ее не удалось наполнить никаким иным содержанием, кроме ее противоположности – смерти. Поэтому свобода превратилась в утопию, вера в которую была тем сильнее, чем сильнее была несвобода.

Российскому менталитету особенно свойственна способность верования. Но редко задумывались, что психологически вера вере рознь. Вера в Бога в христианстве никоим образом с представлением о свободе соединена не была. Место религиозной веры, религиозного сознания заняла – по принципу заполнения пустоты – вера в свободу, в царство коммунизма. Эта вера, с одной стороны, выражала надличностный характер российской ментальности, с другой – ее образность. Русское образное сознание всегда имело уходящий вдаль горизонт Родины, а духовное – вершинность, воз-

несение, вертикаль совершенства. Абсолютно другой по своему характеру была вера в ближнего, выражающая российскую коммунитарность, общинность. Прежде всего она являлась в простоте, доверчивости, душевности. Здесь не проросла “любовь к ближнему”, но и не нашлось места конкуренции и индивидуализму. И, наконец, совсем иной была вера, сродни надежде, умирающей последней. Эта вера свойственна всякому нормальному человеку, как будущее – его сознанию. В научной психологии она именуется жизненной или временной перспективой. Парадоксальность российского характера заключалась в том, что чем тяжелее было настоящее, тем крепче была вера в будущее. (В обществах, где будущее было рационально обосновано, где даже утопии Фурье и Сен-Симона имели научный характер, практически цель определяла все действия; вере оставалось лишь поддерживать их.) В целом, верование составляло русский национальный архетип. Именно поэтому даже века рабства и насилия не уничтожали веры в батюшку-царя.

Историческая необходимость принять сильную и насильственную власть заставила российскую ментальность укрепиться особым образом. Традиция смирения, воспитанная веками рабства, имеет в основе своей принятие несвободы внешней и освоение ее через внутреннюю *стойкость*. Ключевым и спасительным от рабства для русского народа было христианское *принятие страдания* как *должного, стоического* отношение к нему. Подчинение внешнему всегда представлялось неизбежностью, поэтому внутреннего достоинства достигал лишь тот, кто умел терпеть, смиряться, но *выстаивать*.

В российском менталитете смирение отнюдь не находится в оппозиции к западной традиции

¹ Рубрика поддержана “Институтом Открытое общество. Фонд содействия.” (грант №НАД 807).

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (код проекта 97-06-08193). Автор благодарит О.М. Пуздрову за предоставленные материалы.

достоинства. Диалектика векторов свободы и принуждения в России оказалась причудлива и многомерна. Достоинство есть неумение преклонить голову, хоть сколько-нибудь внешне ограничить свое "Я", сугубо внутреннее чувство уверенности. Западное направление развития личностной свободы прежде всего – через внешний план. Внутренняя уверенность традиционно передавалась из поколения в поколение, защищаемая для определенных слоев государством и правом. Западное достоинство – прочный синкрет индивидуализма и его признанности обществом.

Однако Н. Бердяев прав, что "свобода не есть индивидуализм" [3, с. 307], поэтому достоинство это еще не свобода. Российская свобода, обернувшаяся в период революции анархизмом в самом широком смысле слова, имела своеобразную *геопсихологическую* основу. Она оказалась производной, родной тем невероятным просторам, которые и есть Россия. Широта земли русской была переведена гениальным Достоевским на язык и суть русского характера: "широк человек, я бы сузил". Особенная широта натуры, русской души заключает в себе возможность полярностей, которые исключены положением "середины" или "своего огорода", будь то Бельгия или Франция. Полярность допускает любые противоположности, непоследовательность, широта пространств – нерасчетливость, сиюминутность.

Широта натуры русской допускала возможность соединения несоединимого: так поразившая тургеневскую барыню горечь утраты, сопровождаемая мыслями "не пропадать же щам, ... они же посолёные".

Выразительно подчеркнул эту особенность русского менталитета Н.А. Бердяев: "Два противоположных начала легли в основу формирования русской души: природная, языческая дионисийская стихия и аскетически монашеское православие. Можно открыть противоположные свойства в русском народе: деспотизм, гипертрофия государства и анархизм, вольность, жестокость, склонность к насилию и доброта, человечность, мягкость, обрядование и искание правды; индивидуализм, обостренное сознание личности и безличный коллективизм; искание Бога и воинствующее *безбожие*; *смирение* и наглость; рабство и бунт" (цит. по кн. [11]). Поэтому одновременно невозможно для российского характера простое соединение свободы и покорности: *нельзя склонить голову в поклоне и одновременно расправить плечи* [18].

Поэтому для России оказался не закрыт исторически проложенный путь соединения особенного внутреннего достоинства и предзаданности внешней судьбы. И для понимания этого соединения необходимо глубже заглянуть в сердцевину русского национального характера. Российское

достоинство всегда покоилось на своеобразном благодушии, идущем все от той же широты натуры, наивности, неторопливости.

Достоевский высказал идею "сузить" русского человека лишь как возможность. Но не будем понимать "сузить" в смысле срезать полюса, усреднить. Полярность, возникающая в результате широты русского характера, породила у нашего соотечественника способность самому "сузить" или "расширить" себя. Разные лики обнаруживала то тихо сдержанная, обиденная, то безгранично страстная русская душа. Непритязательная бедность традиционного русского быта, воплотившаяся в емком "перебьемся", "обойдемся", "перезимуюем", разнообразилась щедрой праздничностью, хлебосольством, тройками, удалью гулянья. "Расширить" – значило откликнуться, отозваться, посочувствовать, посплетничать и ... отдать последнее. "Сузить" – способность смирения как отказа от притязаний, гордыни, размашистости и внешней импозантности. Не выпячивая грудь и не играя плечами, русский человек укреплял свою душу *смирением*. Оно оказалось для русского типа таким сжатием существа своего, которое лишь внешне выглядело умалением и принижением, а по существу было пренебрежением внешним, личностным *выстаиванием*, и внутренним укреплением. Русский тип воплотился в образе странника в бедной одежде, с котомкой, довольного куском хлеба и случайным кровом. Ксения Петербургская, ставшая живой легендой свободы и страдания за доброту людскую, в холод и зной измеряла своими босыми ногами просторы России, внося в каждый дом тепло души, веры и сострадания.

Даже критиками русской культуры и традиций отмечается *отзывчивость* как основная прототипическая черта. И хотя она часто уничтожается в людях равнодушием к добру или злу, проявляясь то в сострадании, то в агрессии, но по существу своему, как ни поверни, отзывчивость исключает высокий забор индивидуализма. Запад заботливо вырастил равнодушие к человеку. Поэтому наша отзывчивость критически трактуется как реакция на сиюминутное, сегодняшнее, зримое, не как подлинная забота. Но достаточно сопоставить ее с историческим российским осознанием неохватности русской земли и неумением распорядиться ею – и отзывчивость предстает как готовность поправить эту неохватность тем, что в силах малого и слабого человека.

Вероятно эти широкие, никогда не измеримые и не измеряемые просторы и были источником той внутренней силы, дававшей *терпение* – психическое качество, сама суть которого есть *продление силы во времени*.

Но мог ли сохраниться и сохранился ли сегодня российский "архетип" душевности и духовности, некогда выражавшийся в сострадательности,

отзывчивости и внутренней стойкости? Высказывает мнение, что в современной России “того ровного самообуздания, трезвости взгляда на жизнь, самоуглубленности пока меньше, чем можно было ожидать в стране, исторически принадлежащей к традиции смирения” [7, с. 90]. Возможно, смирение как опора на самые последние свои внутренние силы не может основываться на неустойчивости, конфликте сознания, которое сегодня “расширено” свободой кризиса. А современная Россия, оказавшаяся в водовороте перемен, утратившая психологические опоры в религиозной вере, расщепленная между вековой общинностью и сегодняшней разобщенностью – можно ли ждать от этой России спокойного стоического отношения к переживаемым трудностям?

Ответ на этот вопрос нужно искать по крайней мере в трех плоскостях: во-первых, сознавая, что сегодня в России сложились совершенно новые социальные “страты”, по-разному размещенные в социальном пространстве, по-разному связанные внутри и по-разному “свободные”; во-вторых, учитывая, что в водоворот попали люди, каждый из которых находится на разном этапе своего жизненного пути, с разным опытом – консерватизмом или способностью адаптироваться; в-третьих, что, тем не менее, общинность остается русским архетипом, и потому даже на развалинах коллективизма, даже брошенным и одиноким она дает возможность высвобождения души. Этот путь не закрыт никому.

Российский “плюрализм” открыл огромные возможности индивидуализации – свободы перехода из одной страты в другую, смены профессии, выезда, слова, участия в политической, предпринимательской и других видах собственно социальной деятельности. Но отсутствуют условия реализации этих свобод – экономический уровень и стабильность, правовая гарантированность, уровень культуры и профессионализма, наличие сколько-нибудь определенной социальной перспективы, без которой любая деятельность оказывается риском. Свобода в России приобрела столь анархический характер, что степень ее реализации оказалась зависимой только от личных усилий, стечения случайных обстоятельств или... первоначального капитала. Свободными (в отличие от их недавней социально-политической регламентации – единой для всех) стали способы социальных связей: в смысле отсутствия постоянства и определенности. Но каждой страте “достаётся” своя свобода, также как каждая личность “отпущена” на голодный простор социальной действительности.

Это определило социально-психологические и личностные особенности лидирующей страты предпринимателей, которая оказалась представлена активными индивидуалами с высоким уровнем мотивации и притязаний. По данным нашего

исследования, эта страта обладает новыми ценностями, высоким уровнем оперативности социального мышления, оптимизмом и адаптированностью к меняющимся условиям [16]. Страта предпринимателей создала совершенно новую для нашего общества сферу финансово-банковской деятельности, но скопировав в ней западную модель, она не сумела связать ее с другими сферами общества, прежде всего – производством, а потому не изменила российскую финансовую ситуацию, а лишь дала личный капитал. Хотя эта страта состоит из индивидуалов, они жестко связаны финансовыми зависимостями, поэтому для их личного и социально-психологического развития оказалась нужна другая микросреда, западная социокультурная система. Получив большие свободы в биржевых и других операциях, за счет “эксклюзивного” способа накопления капитала и будучи практически свободна от государства, эта страта оказалась в изоляции от социокультурной и государственной систем общества, т.е. в ситуации *отсутствия национальных условий реализации свободы*. Выезды, уезды и вывозы на Запад пока представляются жизненным и психологическим люфтом этой страты, который в перспективе будет терять свою силу в поддержании мотивации и сил для выживания в замкнутом финансовом отсеке.

Однако фантастическое богатство этой страты, делающей деньги из денег и предприимчиво распродающей российские богатства, уничтожило успокоительную иллюзию равенства бедных и создало новую – возможности обогащения. Возникла новая ценность денег, капитала, пропагандируемого средствами массовой информации роскошного образа жизни, евроремонтов, иномарок, особняков и вилл. Стремительность возникновения неравенства повлекла особую остроту его осознания бедными. Единый советский народ, который лишь понаслышке знал о черной икре в распределителях, раскололся на две неравные половины, как с треском колетса пустой орех.

Особую страту составили не на виду богато живущие государственные и разного рода политические деятели, взявшие на себя “заботу” о судьбах России и народа. Они заняты еще по-советски сращенной хозяйственно-управленческой и политической деятельностью, носящей бесплодный характер. Их сфера также изолирована от других сфер общества и, прежде всего, – самой его сути – народной массы. Характер их свободы определяется, с одной стороны, увлекательностью политических игр, с другой – властью, дающей сильное переживание свободы господства над людьми, обществом, но ограничивается всем очевидной временностью пользования этой властью и отсутствием четких целей ее применения. Власть определяется принадлежностью к корпорации, но отнюдь не направленностью на органи-

зацию общества. Социально-психологически это активный слой, тесно связанный нерегулируемым типом отношений, который не в силах их регулировать ни коллективно, ни индивидуально. “Люфтом” для этого слоя, придающим спокойное чувство уверенности в завтрашнем дне, являются капитал, недвижимость, по-тихому приобретенная в период приватизации государственной собственности, однако с точки зрения законов обращения капитала, не функционирующая, мертвая, не дающая прибыли (типа “чулка”).

Два слова о страте торговцев и мелких частных собственников, “фирм”, несущих на себе бремя “свободы” российских рыночных отношений. Их активность подстегивается непосредственностью связи “товар–деньги” и иллюзией, что они держат эту птицу в руках, иллюзией близости обогащения. Но нестабильность этого рынка и судьбы в нем мелких предпринимателей также связана с его самоизоляцией от остальных сфер общества. Эта страта с наибольшей наглядностью демонстрирует основное противоречие российского “капитализма” – иллюзию близости богатства и возможности его достижения собственными усилиями. Отсутствие конкуренции на этом рынке, дружно выравниваемый рост цен делают его завтрашнюю судьбу проблематичной, не говоря о том, что богатые уже не хотят пользоваться его корейско-польским вариантом, а бедные – уже не могут.

Строгий социологический анализ требовал бы более полного перечня существующих страт (включая земельных “собственников”) и их более глубокого анализа. Однако сказанного достаточно для ответа на один из поставленных выше вопросов: инициативная часть общества лично свободна в силу личного капитала и возможности использования временно открывшихся в России преимуществ социальных сфер своей деятельности (как государственной, так и негосударственной), и несвободна в силу разных (для каждой) **форм ее ограничения**, принципиальной изолированности каждой из сфер. Однако реальная ограниченность свободы для каждой страты компенсируется, во-первых, реальностью потребления “люфтами”, служащими перспективной и отдушиной для каждой страты: западными возможностями для одной, финансовой обеспеченностью – для другой, возможностями и интересом **маневра, спекуляции, риском незаконных операций и обогащения** – для третьей.

Связи внутри первой страты, как уже отмечалось, несут определяемый финансовым рынком, т.е. безличный характер, поскольку партнерство развивается только в собственно предпринимательской деятельности и ограничивается временем договора; связи внутри второй также безлич-

ны, поскольку заданы государственными и функциональными формами, кроме политических партий, объединяемых идеологией; торговля вообще не опирается на гарантированные отношения. Поэтому от личности, входящей в эти страты, потребовалось особое умение оперативно действовать, даже без видимой цели и результата, т.е. по модели, радикально отличающейся от научной отечественной концепции деятельности. Однако реальная включенность в страту создает всем ее участникам столь дорогое и понятное российскому сознанию чувство социально-психологической принадлежности, и потому – безопасности.

А чем активнее их деятельность, подстегиваемая этой принадлежностью, тем, с одной стороны, выше самооценка своей личности, осознание себя субъектом, с другой – тем больше деятельность поглощает личность и ее сознание. Темп, необходимость “вертеться”, включенность в тучку поглотили свободу сознания и личности этих групп.

В зоне несвободы оказались служащие, рабочие промышленных предприятий (кроме приватизированных), ученые, интеллигенция в целом, все те, кто образовал новый класс “бюджетников”, и пенсионеры. При всех различиях их социально-профессионального положения и деятельности, степени ее совместности или индивидуальности, они оказались в жесткой, нищенской зависимости от государства. Их экономическое положение совершенно независимо от личных усилий, поскольку нивелировались недавние ценности – карьеры, занимаемой должности, профессионализма. Отличие этой группы современного российского общества от положения рабочего класса, эксплуатируемого капиталом (о чем писал К. Маркс), в том, что она не дает обществу прибавочной стоимости (поскольку даже цена продукции рабочего на производстве ниже цен на мировом рынке), а потому *она сама должна эксплуатировать себя, чтобы поддержать свой жизненный уровень на том пределе, который сама себе установила как прожиточный*. Мера самоэксплуатации определяется мерой притязаний на лучший образ жизни, тем, насколько на сознание этой страты повлияла ценность богатства, составом семьи и... реальными силами, здоровьем, возрастом. Сознание этой группы не имеет “люфтов” – оно загнано в узкую щель между зарплатой и возможностью совмещать две работы. Они “свободны” предлагать свои услуги на рынке труда и занятости, где существует возрастная и профессиональная конкуренция, создаваемая этим рынком. Сознание же этой группы порабощено ежедневной мыслью о деньгах.

Общественное – бывшее советское – сознание, освободившись от идеологической интегрированности, стало действительно *народным*. Что

позволяет так его назвать? Во-первых, оно является сознанием *не связанного никакими отношениями населения* (то, что трудящиеся в каждом учреждении объединены профессиональными, должностными и остатками коллективных отношений, не позволяет охарактеризовать их понятием “слоя” или “страты”). Во-вторых, оно является народным, поскольку в силу давней исторической российской традиции народ оказался *заложником новой революции, новых реформаций*, новых, не имеющих замысла и смысла экспериментов. Это население объединяет в *народ судьба страдательности*, которой заплачено за возможность изменений в России. Народ заплатил собой за революцию семнадцатого года, за победу над фашизмом, за социалистический эксперимент. Теперь он платит в четвертый раз за возможность России пойти по капиталистическому пути развития, а попросту, – за возможность кому-то иметь виллу в Ницце или отдыхать на Багамских островах. И именно эта роль объединяет его в общность с трагической судьбой.

Когда-то К. Маркс писал о том, что неизбежно отдельные индивиды приносятся в жертву истории. Ему и в страшном сне не могло привидеться, что в жертву может быть принесен целый народ. Наконец, последнее, очень существенное определение этого единства заключается в том, что именно его как чрезмерно большую массу удалось устранить от процесса приватизации (“дележа” российского богатства), т.е. накопления капитала, и одновременно *обвинить в том, что он сам виноват в своем обнищании*. Эту идею, навязанную богатой частью общества, что каждый теперь имеет зависящий лишь от себя самого шанс стать богатым и сам виноват в своей бедности, можно считать достойной моря лжи, в котором утонул вчерашний социализм. Таким образом и государство избавлено от ответственности за обнищание народа.

Социологи говорят об амбивалентности современного общественного сознания, о том, что в нем одновременно и параллельно сосуществуют и патерналистские установки (требование государственной заботы и опеки), и потребность освободиться от давления, контроля, ограничений государства. Это квалифицируется как “расщепленность” общественного сознания [7]. Представляется, что дело обстоит намного сложнее. Уже не существует того единого “надстроечного”, пронизанного идеологией общественного сознания. Общество дифференцировалось на страты, каждая из которых имеет свою психологию. Можно предполагать, что для общности, которая сегодня составляет обнищавший русский народ, ее “скрепами” являются не социальные связи, не сознание, а бессознательный архетип (по Юнгу), воплотивший исторически сложившийся способ выживания, чувствования, верования. Проблема же – и теоретическая, и

жизненная – состоит в следующем: как может быть высвобожден и проявить стойкость этот глубинный слой, если каждый оказался в одиночестве? Произошло отчуждение, всю меру которого нам еще не удалось постичь. Как бы ни был формален, навязан и конструктивно неорганизован коллективизм, он был адекватен коллективному характеру российской психологии. В нем не нашлось места проявлению (не говоря о свободе) личности, поэтому каждый выработал свой способ участия в коллективе – одни на основе ответственности, другие – безответственности. Социализм создал фантастический синтез добровольного принуждения к труду и такого же принуждения к коллективизму. Свобода и усилие сошлись на таком немислимо узком человеческом пространстве, именуемом личностью, которое исключало какую бы то ни было возможность их сосуществования. И все же эта возможность была российской личностью найдена, выработана, открыта. И этот личностный опыт – в отличие от опыта исторического – никогда не был понят, осмыслен и даже замечен ни наукой, ни философией.

Как же может выглядеть, по крайней мере теоретически, та новая проблема, перед лицом которой оказалась отчужденная от государства, коллектива, другого человека, от средств к существованию, российская личность? Ответ на этот вопрос, по-видимому, не может быть ни универсальным, ни индивидуальным; каждый находит его в одиночку. Но чтобы обозначить хотя бы путь к постановке проблемы, нужно совершенно иначе взглянуть на личность, ее психологию и сознание, чем мы – отечественные психологи – привыкли.

Личность, как бы она ни определялась в той или иной авторской теории, всегда представлялась наделенной теми или иными – разного уровня и модельности – психическими свойствами: характером, волей, способностями, сознанием и т.д. Наукой фиксировались их индивидуальные особенности и – в той или иной мере – степень развития. Но способности (или мышление, или память) не рассматривались с точки зрения того, насколько личность успешно или неуспешно, стихийно или осмысленно *использует их сама*. Также не возникал вопрос, насколько личность пользуется своим интеллектом, насколько она его “нагружает”, как им распоряжается. Конечно, ставился вопрос о саморазвитии, самосовершенствовании, по крайней мере, о самовоспитании. Но это другая плоскость, не затрагивающая проблемы того, как личность *превращает свои психические способности в жизненные ресурсы*.

Концепция субъекта, разработанная С.Л. Рубинштейном, позволила конкретизировать такой взгляд на личность, но (это, впрочем, очень характерно именно для отечественных психологов)

в области ее определения как *субъекта деятельности* [14]. А в сфере осмысления личности как субъекта жизненного пути ее способность–неспособность, желание–нежелание распоряжаться своими психическими свойствами (в широком смысле слова) как жизненными возможностями остаются скрытыми. И – парадоксальным образом – научная проблема оказывается если не строго сформулированной, то неожиданно высвеченной той реальной жизненной дилеммой, перед лицом которой оказалась российская личность.

Всегда казалось, что степень успешности адаптации личности к обществу, включения в труд и т.д. зависит (кроме пресловутой социальной активности) от ее сознания (направленности), способностей и т.д. Но когда нами были получены эмпирические данные свидетельствующие, что большая часть социальных страт к современным условиям не адаптирована [16], то этот катастрофический вывод поставил перед нами парадоксальный вопрос: а к чему, собственно, она может адаптироваться – к непрерывным изменениям, к неопределенности, достигшей критической точки, к какому, собственно, обществу?

И этот вопрос высвечивает путь к проблеме: как сохранить личности *определенность* в социальных условиях неопределенности, изменений и разрыва социальных связей, ставших для нее привычными. И, обсуждая здесь не только проблему личности, связанной финансовыми, политическими или спекулятивно-рыночными отношениями, но, прежде всего, свободной от них также, как от необходимых средств к существованию, мы не можем не учесть специфики поколений, *определяемой* не столько возрастными, сколько особенностями того этапа жизненного пути, на котором личность совпала с социальным настоящим, стала его (выражаясь терминами Б.Г. Ананьева) “современницей”.

Молодое поколение *не несет груза недавних представлений*, поэтому не имеет “когнитивного диссонанса”, противоречий сознания и реальности и, находясь на этапе обучения, получения образования (приобретающего все большую социальную и экономическую ценность), осваивает мир интеллектуально-теоретически, одновременно воспринимая действительность как само собой разумеющуюся. Для сознания этого поколения естественно использование своего образования и интеллектуальных возможностей как личных ресурсов. Интуитивно молодые люди уже улавливают связь между культурой своего интеллекта и будущей карьерой, профессионализмом, компетентностью.

Второе поколение, из которого рекрутировался “бизнес-класс” (по статистическим данным вошедшее в профессиональную сферу в 30–40 лет), уже, в основном, имело высшее образование и включилось в российскую ситуацию в момент

расцвета помноженных на образование интеллектуальных возможностей и деятельных сил. Не исключено, что именно данные личностные ресурсы дали этой страте такой трамплин для быстрых достижений в финансово-экономической сфере. Изучение сознания данного поколения традиционными методиками показало, что его представители обладают сложным когнитивным стилем, оперативностью мышления, способностью быстрого принятия решений, четкими ценностными ориентациями, оптимизмом [16]. Последние исследования их социального мышления новыми методами обнаружили, что они обладают *способностью* интерпретации действительности, выражающей, с одной стороны, *динамизм* этого мышления, умение составлять хорошие “гештальты” из самых разнопорядковых разнообразных данных, фактов, обстоятельств, с другой – одновременно – придавать ей *определенность*, т.е. вырабатывать свое мнение, позицию [17].

Если сравнить социальное мышление младшего и среднего поколения, то у первого преобладает *категоризация*, выделенная нами как одна из процедур социального мышления, у второго – *интерпретация*. *Категоризация* придает *определенность* миру и взгляду на него через *общезначимые* понятия и теории, можно сказать философски, через “универсалии”, значения. Интерпретация представляет собой выводы, мнения, *полученные самой личностью* в результате ее интеллектуальной работы, в целом придающей определенность и своему субъекту. Из этого очевидно, что среднее поколение – особенно анализируемая страта – практически достаточно эффективно в определенном им самим пространстве. Используя свои интеллектуальные возможности для практических целей, личность приобретает социальные преимущества.

Большинство государственных деятелей, политиков, рабочих и пенсионеров, несмотря на их принадлежность к разным стратам, относятся к старшему (или старейшему) поколению, вошедшему в социальную ситуацию с грузом прошлого опыта, сознания и профессионально-личностных стереотипов. Наши исследования, а также анализ политических и социологических данных [1, 2], позволяют сделать вывод, что для их социального мышления характерна (или в нем преобладает) *процедура репрезентации* или социальные представления.

Социальные представления, согласно концепции С. Московичи, воплощают синтез научных и обыденных представлений, что характерно для современного обыденного сознания, регулируют действия, поведение людей [13]. Однако это определение, тесно интегрирующее сознание и действие, доказывает, что в силу обыденного характера сознания этой группы, репрезентирующей *про-*

шное общество, она не может совершать конструктивных действий в современной ситуации. Определение Московичи, казалось бы так сближающее сознание и действие, что становится само собой очевидна регулирующая роль сознания, парадоксальным образом обнаруживает: сознание людей, проживших основную часть своей жизни в социалистическом обществе, в силу консерватизма возраста может регулировать их поведение только на основе старых стереотипов. (Разумеется, данное суждение не относится к характеристике сознания рабочих современных предприятий.) Репрезентации, ставшие ведущей характеристикой социального мышления данной разнородной по своему социальному составу группы, опрокидывают общепринятый тезис об опережающих возможностях сознания, они не "охватывают", не отражают и, тем более, не выражают происходящих социальных перемен. Даже если в составе этих представлений случайно "мелькают образы далеких чудных стран", то способ мышления оказывается прежним.

Московичи говорит о том, что социальные представления способствуют согласованию старых и новых знаний, но, поскольку не осуществлена категоризация современного российского общества, ему не дано определения, а поэтому и нет знания о нем, которое могло бы быть согласовано с прежним знанием, "потеснив" его. Более того, в социальном мышлении страты рабочих обнаружено противостояние старых и новых ценностей, что могло бы как факт противоречия в сознании привести к его развитию. Однако преобладание в сознании, социальном мышлении именно репрезентаций не позволяет превратить противоречия в проблему, поскольку проблемность свойственна зрелому социальному мышлению, во-первых, во-вторых, даже возникающие в сознании этой группы проблемы носят профессиональный характер, т.е. теснейшим образом связаны с деятельностью, трудом.

Таким образом, тип социального мышления с преобладанием репрезентаций направлен на поддержание функционирования уже сложившихся представлений и образа жизни, на оправдание жизненного опыта.

Сознание интеллигенции, и, более конкретно, ученых, по данным нашего исследования, также тесно связано с деятельностью, но именно в силу теоретического характера научной деятельности в нем преобладает процедура *пролематизации*, способность выявлять и решать проблемы. И в силу той же теоретичности данной деятельности, сознание этой группы достаточно (или относительно) независимо от возраста, этапа жизненного пути. Истинная принадлежность к науке делает сознание этой группы людей, мировоззренчески признающим неизбежность противоречий и

способным придать им ограниченную, более определенную форму проблемного пространства; тогда как обыденное сознание не признает противоречий как "неудобств", вытесняет их привычными представлениями.

Проблемное мышление характеризуется не только наличием проблем, но удержанием противоречий в состоянии нерешенности, что демонстрирует своеобразную интеллектуальную силу субъекта, признающего множество допущений, гипотез, вариантов. Однако парадокс заключается в том, что если сознание интеллигенции в принципе способно решать социальные проблемы, оно не обращено именно на них в силу отстраненности ученых определенного поколения (и интеллигенции в целом) от задач организации общества (не говоря уже об управлении им). Жалкая роль, отведенная науке и ученым в нашем обществе государством, еще более усиливает их дистанцированность от участия в его организации. (По данным статистики нельзя судить о том, удержалась ли молодая возрастная когорта в науке или ушла в "бизнес".)

Таким образом, сознание большинства социальных страт, даже возрастных групп, не обеспечивает их жизненной активности и включенности в современную социальную действительность. Оно не обеспечивает адекватности действий даже при активном участии в социальной жизни, как это происходит с политиками и государственными деятелями.

Сложность природы индивидуального сознания в его двоякой, можно сказать, "двуликой" сущности. Оно выполняет разную функцию в жизни личности в зависимости от способа его функционирования. А способ функционирования индивидуального сознания и есть социальное мышление личности, которое, как оказалось, имеет разное основание, разный "профиль", стержень. Но при том, что у каждой из групп, рассмотренных выше, "нерв" их социального мышления оказался различным, что, в свою очередь, определилось совпадением этапа жизненного пути личности с современной социальной ситуацией, оно для большинства групп оказалось не регулятором, а скорее блокатором их действий, поведения в этой действительности. Поразительно, что даже креативное оперативное мышление и конструктивное сознание молодого предприимчивого поколения, обеспечивая успешность их действий, оказалось поглощенным последними. Здесь и намечается подход к другой "тайне" связи сознания и деятельности, хотя десятилетиями последняя была предметом теоретического осмысления психологической науки. Если личность превращает свое мышление, сознание и т.д. только в средство обеспечения деятельности, последняя поглощает и ее сознание, и саму личность. (В жизни есть со-

ответствующее удачное выражение “с головой уйти в дела”.)

Блокирование сознанием участия личности в жизни общества раскрывает психологические причины современного феномена одиночества, кроме социальных, состоящих в предоставленности личности самой себе в борьбе за выживание. Но если Н. Бердяев считал, что даже западный индивидуализм, обеспеченный, взлелеянный и опекаемый обществом, это еще не свобода [3], то для современной российской личности одиночество еще не индивидуализм. Психологически индивидуализм предполагает зрелость и, главное, самостоятельность личности, даже самодостаточность.

В этой самостоятельности в прошлом личности было категорически отказано. Разве что маршал Жуков в самый критический момент мог получить на нее право, или директор крупнейшего по своему социальному значению предприятия проявлял ее, рискуя головой. Самостоятельность личности психологически достигается ее способностью обеспечить свои потребности и цели своими силами. Это в корне противоречит марксистскому тезису об удовлетворении обществом потребностей индивида в обмен на его труд на благо общества. Но такова социологическая сторона дела. Психологически же связь потребностей и способности должна быть обеспечена личностью. Разрыв этой необходимой связи означает проникновение отчуждения в ее внутреннюю сущность, отчуждение от самой себя, своего права быть субъектом.

Потребность таланта в успехе у публики **набрасывает** на него петлю зависимости от этого успеха и заставляет личность эксплуатировать свой талант, а не развивать его, не ставить свои условия обществу, публике.

Такую самостоятельность современная личность лихорадочно вырабатывает, **осуществляя радикальную** реорганизацию психологического способа жизни, самой себя. Но чтобы связать свои потребности и способности нужен личностный стержень, силы, характер, корни. В чем они могут проявиться сегодня у российской личности?

Именно этой внутренней работой, актуализацией своей основы, опоры занята она одновременно с непониманием смысла происходящего, иногда интуитивным и удачным, иногда достаточно хаотичным поиском направления своей собственной деятельности. При всей глубине понятий невроза, кризисов, фрустрации и барьеров, тщательно разработанных в мировой психологии, они не однозначно приложимы (или наложимы) на сегодняшнее состояние внутренней жизни и внутреннего мира российской личности, временами впадающей в состояния отчаяния, растерянности, страха. Личность, не знавшая вкуса состоя-

ния психологического комфорта, с исторически привычным прототипом страдания и терпения, по-видимому, иначе переживает трудности и разрешает их иными ресурсами.

Если ее сознание блокирует связь с обществом, обрекая на одиночество, то какова его роль в отношении ее самой? Представляется, что здесь обнаруживают себя и используются личностью ценности сознания, с которыми за короткое время произошел коренной переворот. Теоретически ценности и в психологии, и в этике считались своеобразными составляющими сознания, его структуры, признавалась их реальная роль как ориентаций поведения в социуме, может быть, и в жизни в широком смысле слова, т.е. их регуляторная функция. В силу глубочайшей идеологизации не только общественного, но и индивидуального сознания, в реальной психологической организации личности ценности служили некоторыми созерцательными сверхидеями, красивыми или безобразными украшениями. Так они и исследовались эмпирически: по своему наличию, характеру (позитивные–негативные, духовные, эстетические, нравственные), составу; как нечто отдельное от личности. Но сегодня ценности (безотносительно к их классификации Рокичем) из теоретической концепции жизни превратились в едва ли не основной ее реальный ресурс. Личность выживает не в экономическом, а в жизненном смысле благодаря тому, что *ценности превращаются в саму жизнь*, сохранение их начинает составлять ее смысл.

Мы прекрасно знаем, какая разница между ценностью нравственности, признанием себя нравственным человеком и реальным проявлением нравственности. Сегодня смысл жизни нам сохраняет то, насколько удастся остаться профессионалом, а не стать разнорабочим в постоянных поисках “подработок”, то, насколько нам удастся *сохранить старое* или выработать свое собственное мнение о происходящем. Жить самостоятельно, оставаясь самим собой, жить новой жизнью, осознавая, что ты чего-то стоишь – таким якорем стали для нас ценности.

Но не все российские личности сегодня в состоянии жить в соответствии с собственными ценностями, даже учитывая, что они нашли множество новых ценностей, “подкрепив” ими старые, традиционные: такие, как западничество, всемогущество власти (прямой и косвенной – финансовой, политической) над судьбами людей и России, удовольствие от безнаказанности совершения преступлений, риска, авантюрной игры и т.д. Однако для нового типа нужны существенные дополнительные условия, чтобы жить соответственно этим новым ценностям, в той же степени, как ему нужна иная национальная социокультурная среда для выбранного способа деятельности. По-

этому этим людям, как ни парадоксально, труднее остаться или стать самими собой, чем тем, кто “отпущен” от общества, дистанцировался от него, тому, кому нечего (или мало что) терять. Именно поэтому новый тип стремится усилить свое Эго внешними атрибутами, имиджем, спонсорством и др.

В экстремальных условиях актуализируются самые значимые ценности – такими оказываются вера в Россию и ценность своей идентичности с ней, укорененности в ней (как говорят, “здесь мои корни”), потребность в любви, близких, семье. По данным Н.И. Лапина, каждые три-четыре года, начиная с девяностых, в России возрастает ценность семьи, общения, любви. Потребность в общении вышла на первое место. Вдвое острее против прежнего (43.3% против 25.2%) стали ощущать свое одиночество и заброшенность люди, живущие вдали от родственников и не имеющие друзей [9, 10].

Преобразование ценностей в жизнь и одновременное становление личности зрелой (по-новому взрослой) в России возможны двумя путями. Один из них – душевный, другой – духовный. На первый взгляд, такое различие покажется очень странным, поскольку обычно душевное и духовное считаются почти синонимами. Путь душевный – это актуализация личностью сил бессознательного, которое, по мнению Юнга, не заявляет о себе, пока сама личность благополучна и функционирует [19].

Душа есть состояние психики, не “употребленной” для чего-либо, у российской личности она – прежде всего способность переживания: и велика самооценочность этого переживания, будь то отчаяние, радость или тихая печаль. Эти переживания и сопутствуют соединению ценностей с жизнью, их онтологизации. Если они отсутствуют – ценности не покидают сферы сознания. Переживания – это “*работа души*”, ее бесценная самоцель, которая на самом деле экзистенциально поддерживает силы личности, ее укорененность. Душевная жизнь – это актуализация и личностных бессознательных сил, и сил коллективного бессознательного, глубинного российского архетипа. Как эстетика, искусство имеет целью средствами прекрасного дать возможность человеку нечто пережить, погрузиться в эмоциональное состояние не в связи с жизнью, не для жизни, а ради испытания чувств, так личность уходит в свои глубины, в свое чувство тоски, неведомое ни Западу, ни Востоку, в котором, как в старом вине соединяются пронизывающим сердце “букетом” мечта, надежда, вера, и страдание. “Когда душа спросила сил – погибнуть или любить, – исполнял когда-то Шалапин старинный русский романс, – когда желанья и мечты в тебе теснились жить, тогда еще я не пил слез из чаши бытия...” И пока личность способна

на такие переживания, они дают ей силы, очищают ее, соединяют со всем тем, что есть во всех нас истинно русского.

Путь духовный открыт не для всех. В отличие от душевного, он требует *работы самой личности*. Это путь расширения личностного пространства и “есть позиция, требующая следования фигурам духа” [15]. Это путь следования традициям русской культуры, создавшей шедевры культуры мировой. Однако этот путь обычно понимается как приобщение человека к культуре. Представляется, что это не приобщение, а достижение совершенно иного способа личностной психической организации, отвечающего принципам человечности, возвышенности, гармонии. Но тогда-то и происходит освобождение от оболочки своего “я”, обретение состояния всеобщности, надличности, вневременности.

Духовность в России проявлялась многолико. Она являлась в обликах старцев, ушедших от “мирского”, в космичности идей объявленного полубезумным Вернадского, в наделяющих энергией живых людей ликах Андрея Рублева. Генрих Бёлль называет культуру, прежде всего искусство, “дважды превращенной, воссозданной человеческими руками жизнью, способной длиться в настоящем” [4, с. 219–220]. Он говорит о руках художника, воплотившего в искусстве саму жизнь. Но личность не просто приобщается к искусству, постигая его тайну или погружаясь в эстетическое впечатление. Она в конечном итоге сама воссоздает в своей жизни жизнь, воплощенную в шедевре искусства.

В отличие от имманентной работы души, которая стихийна и текуча во времени, “работа” личности определяется законами культуры и духа, воплощенного в совершенном, она требует собранности, самоотверженности, мужества следования истине и идеалу. И тогда личность здесь на земле, в этой жизни обретает свою определенность и одновременно ту коллективность, которой синоним – человечество. И тогда-то ломаются все барьеры сознания и высвобождается мысль, обращенная к судьбам России и собственной судьбе, происходит осмысление и переосмысление жизни – та работа ума, которая расширяет сжатое до предела пространство жизни, открывает горизонт и перспективу.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абульханова-Славская К.А. Российский менталитет: кросскультурный и типологический подходы // Российский менталитет: вопросы психологической теории и практики. М., 1997.
2. Абульханова-Славская К.А. Социальное мышление личности: проблемы и стратегии исследования // Психол. журн. 1994. Т. 12. № 4. С. 39–55.
3. Бердяев Н. Самопознание. Харьков, 1998.

4. Бёлль Г. Святотатство художника // Иностранная литература. 1971. № 1.
5. Джидарьян И.А. Счастье и удовлетворенность жизнью в русском обществе // Российский менталитет: вопросы психологии и практики. М., 1997. С. 187–223.
6. Иванов В.И. Духовный лик славянства России и Европы // Россия и Европа. Опыт соборного анализа. М., 1992.
7. Комаровский В.С. Переходное сознание переходного периода // Общественные науки и современность. 1994. № 1.
8. Достоевский Ф.М. Дневник писателя за 1877 г. // Россия и Европа. Опыт соборного анализа. М., 1992.
9. Лапин Н.И. Ценности в кризисном социуме // Ценности социальных групп и кризис общества. М., 1991. С. 4–21.
10. Лапин Н.И. Модернизация базовых ценностей россиян // Социс. 1996. № 5.
11. Лосский Н.О. Характер русского народа. Л., 1990.
12. Мережковский Д. Революция и религия. Россия и Европа. М., 1992. С. 196–215.
13. Московичи С. Социальные представления: исторический взгляд // Психол. журн. 1995. № 1. С. 3–18; № 2. С. 3–14.
14. Рубинштейн С.Л. Человек и мир. М., 1997.
15. Рикер П. Конфликт интерпретации. Очерки о герменевтике. М., 1995.
16. Российский менталитет: вопросы психологической теории и практики. М., 1997.
17. Славская А.Н. Интерпретация как предмет психологического исследования // Психол. журн. 1994. Т. 15. № 3. С. 78–88.
18. Спивак Д.Л. Измененные состояния массового сознания. СПб., 1996.
19. Юнг К.Г. Сознание и бессознательное. СПб., М., 1997.

RUSSIAN PROBLEM OF FREEDOM, LONELINESS AND HUMILITY

K. A. Abulkhanova

Academician of RAE, dr. sci. (philosophy), professor, head of lab. of psychology of personality, IP RAS, Moscow

Some historical and contemporary peculiarities of Russian consciousness and character are considered. In the past identification of personality with society was disclosed in humility as a confrontation to external non-freedom keeping internal one. The process of alienation from society is not the individualization as a way of realization of social rights and freedom but the loneliness which personality can overcome only by transforming of values into the life itself.

Key words: freedom, loneliness, patience, merit, social thinking, categorization, interpretation, representation, problematization, collective unconsciousness, anima, spirituality.

ПСИХОЛОГИЯ И ГУМАНИЗАЦИЯ ОБРАЗОВАНИЯ
В XXI ВЕКЕ¹

ПРОБЛЕМА ВВЕДЕНИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ
В СТРУКТУРУ ОБЩЕГО СРЕДНЕГО ОБРАЗОВАНИЯ:
ОПЫТ АНГЛИЙСКОЙ ШКОЛЫ

© 1999 г. А. В. Минаев*, М. В. Попова**

* Старший преподаватель факультета иностранных языков Красноярского государственного педагогического института, кандидат психологических наук

** Старший научный сотрудник кафедры психологии МПГУ, кандидат педагогических наук

На примере “Пасторальной программы” авторы статьи показывают, как решается проблема введения человекознания в структуру общего среднего образования во многих школах Англии. При характеристике “Пасторальной программы” раскрываются определение ее понятия, основания, центральные идеи, целевые установки и методическое обеспечение. Формулируются цели и задачи обучения, задачи и функции учителя, результаты обучения.

Ключевые слова: образование, психологическое знание, целевые установки, задачи, самопознание

В педагогике всех развитых стран в настоящее время ведется поиск в области содержания школьного образования, с тем, чтобы найти некоторое единое основание школьных программ для развития ресурсов личности ребенка. **Задачи образования** в современной школе все чаще понимаются как **создание условий для индивидуального самовыражения** и развития критического мышления, как формирование **умений учиться и самостоятельно приобретать знания, прогнозировать свое будущее и эффективно разрешать проблемы различных жизненных ситуаций**.

Влияние содержания образования на педагогический процесс, его ориентацию и вклад в развитие личности имеет определяющее значение. Поэтому решения, связанные с отбором знаний из всего богатства общечеловеческой культуры, играют первостепенную роль в разработке программ, учебников и других учебно-методических материалов.

За последние несколько лет в различных странах мира были введены новые предметы, в частности, “Основы этики”, “Этика и право”, “Этика и психология семейной жизни”, “Развитие мышления”, “Эстетика”, “Социальные и личностные умения” и др. Вводятся также специальные учебные курсы отдельных авторов по развитию социальных умений, личностному росту, обучению общению и стратегиям поведения.

Создание и введение в школу подобных курсов является попыткой включить человекознание как науку о человеке в систему общеобразова-

тельной культуры ребенка. Появление элементов человекознания в обучении школьников отражает стремление современной педагогики построить процесс и всю систему образования на основе творческой самодеятельности. Предполагается, что освоение системы человекознания позволит подростку лучше понять самого себя, более гуманно выстраивать свои отношения с другими людьми и с миром в целом, открывать новые возможности для своего творческого роста.

Предметом анализа в данной статье будет феномен, возникший в системе школьного образования Англии во второй половине XX века – “Пасторальная программа”², – которая является наиболее крупной программой в рамках известного направления Experiential learning (“Учение через опыт”).

Пасторальная программа активно разрабатывается группой Оксфордских исследователей с конца 70-х гг. в духе идей гуманистической психологии и отражает приоритетные направления реформы западной школы, на которые возлагают большие надежды и которые видят особенно перспективными, а их пафос находят в том, чтобы “...усилить гуманистическую, общечеловеческую направленность школьного воспитания; реорганизация воспитывающего обучения с целью более эффективного формирования личности школьника” [4].

² От англ. слова “pastoral” – выращивание, выпестование. Понятием “Пасторальная программа” мы обозначаем феномен, который в английской литературе раскрывается в терминах: “Pastoral Care”, “Pastoral Curriculum”, “Pastoral Programme”, описанных как синонимы.

¹ Рубрика поддержана “Институтом Открытое общество. Фонд содействия.” (грант №НАД 807).